

**Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе**

2025-2026 учебный год

11 класс

Максимальный балл – 75 баллов

1. Аналитическое задание

Максимальный балл – 45

Выберите один из предложенных вариантов задания и выполните целостный анализ текста – прозаического или поэтического (по выбору).

В качестве помощи вам предложены достаточно сжато сформулированные направления для размышления, которые носят рекомендательный характер; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста.

Анализ прозаического текста

Выполняя целостный анализ произведения И. А. Бунина, примите во внимание следующие его особенности: место рассказа в творчестве И.А. Бунина, соотношение и способы создания образов Саши и его отца, соотношение образа России и образа Саши, смена состояния Саши как маркер композиционного членения текста, соотношение прошлого-настоящего-будущего в рассказе.

Иван Бунин

Подснежник

Была когда-то Россия, был снежный уездный городишко, была масленица – и был гимназистик Саша, которого милая, чувствительная тётя Варя, заменившая ему родную мать, называла подснежником.

Была оттепель, стояли тёплые и сырые дни, русские, уездные, каких было уже много, много в этом старом степном городишке, и приехал к Саше отец из деревни.

Отец приехал из глухой, занесённой сугробами усадьбы и, как всегда, остановился на Елецком подворье, в грязных и угарных номерах. Отец человек большой и краснолицый, курчавый и седеющий, сильный и моложавый. Он ходит в длинных сапогах и в романовском полушубке, очень тёплом и очень вонючем, густо пахнущем овчиной и мятой. Он всё время возбуждён городом и праздником, всегда с блестящими от хмеля глазами.

А Саше всего десять лет, и поистине подобен он подснежнику не только в этих мерзких номерах Елецкого подворья, но и во всём уездном мире. Он такой необыкновенный, особенный? Нет, ничуть не особенный:

разве не каждому даёт Бог то дивное, райское, что есть младенчество, детство, отрочество?

На нём новая длинная шинель, светло-серая, с белыми серебряными пуговицами, новый синий картуз с серебряными пальмовыми веточками над козырьком: он ещё во всём, во всём новичок! И до чего эта шинель, этот картуз, эти веточки идут к нему, – к его небесно-голубым, ясным глазкам, к его чистому, нежному личику, к новизне и свежести всего его существа, его младенчески-простодушного дыхания, его доверчивого, внимательного взгляда, ещё так недавно раскрывшегося на мир божий, и непорочного звука голоса, почти всегда вопросительного!

Живёт Саша «на хлебах», в мещанском домишке. Грусть, одиночество, скучные, одинаковые дни в чужой семье. Какое же счастье, какой праздник, когда вдруг у ворот этого домишки останавливаются деревенские, набитые соломой сани, пара запряжённых впротяжку лохматых деревенских лошадей! С этого дня Саша переселяется на Елецкое подворье.

Отец просыпается рано, наполняет весь номер, и без того душный, едким табачным дымом, затем кричит в коридор, требуя самовар, пьёт чай и опять курит, а Саша всё спит и спит на диване, чувствуя, что можно спать сколько угодно, что в гимназию идти не надо. Наконец, отец ласково будит его, шутя стаскивает с него одеяло. Саша молит дать поспать ему хоть одну минуточку, а потом сразу приходит в себя, садится на диване и, радостно оглядываясь, рассказывает, что снилось ему, будто у него передержка по латыни, но только не в гимназии, а где-то на голубятне.

Умывшись, он становится во фронт и учтиво, но рассеянно крестится и кланяется в угол, потом шаркает отцу ножкой и целует его большую руку. Он счастлив, он свеж и чист, как ангел. Он кладёт в стакан целых пять кусочков сахара, съедает целый калач и опять шаркает ножкой:

– Мерси, папочка!

Он совершенно сыт, но отец уже надевает полушубок: пора идти на базар, в трактир, – завтракать. И, одевшись, они выходят, бросив тёплый, полный дыму номер раскрытым настежь. Ах, как хорош после комнаты зимний сырой воздух, пахнувший праздничным чадом из труб! И какой долгий прекрасный день впереди!

В трактире «чистая» половина во втором этаже. И уже на лестнице, необыкновенно крутой и донельзя затоптанной, слышно, как много в ней народу, как буйно носятся половые и какой густой, горячий угар стоит повсюду. И вот отец садится, сняв шапку, распахнув полушубок, и сразу заказывает несколько порций, – селянку на сковородке, леща в сметане, жареной наваги, – требует графин водки, полдюжины пива и приглашает за стол к себе знакомых: каких-то рыжих мужиков в тулупах, каких-то чернявых мещан в чуйках...

Казалось бы, какое мучение сидеть в этом чаду, в этой тесноте, среди бесконечных и непонятных разговоров и споров без всякой меры пьющих, закусывающих и пьянеющих людей! Сколько их кругом, этих мужиков,

извозчиков, толстых купцов, худых барышников! Сколько красных, распаренных едой, водкой и духотой лиц, потных лбов, лохматых голов, густых бород, чуек, армяков, полушубков, тулупов, громадных сапог и тающих валенок, разводящих под табуретами целые лужи! Как везде натоптано, наплёвано, как дико и нелепо орут за некоторыми столиками и как ошалели половые в белых штанах и рубахах, носясь туда и сюда со сковородками и блюдами в руках, с задранными головами, меж тем как спокоен только один высокий и худой старик, строгим и зорким командиром стоящий за стойкой! И, однако, как незаметно летит этот счастливый день, как блаженно и широко раскрыты лазурные детские глаза!

А в понедельник всё это сразу кончается. Город принимает смиренный и будничный вид, пустеет даже базарная площадь – и великое горе надвигается на Сашу: отец уезжает.

Да, даже проснулся отец нынче уже совсем не таким, как просыпался все эти масленичные дни. Он прост, тих, чем-то озабочен. Он собирается, расплывается. А там, во дворе, уже запрягают лошадей. Последний, самый горький час! Вот сию минуту вдруг войдёт коридорный:

– Подано, Николай Николаич!

И отец, огромный, толстый от медвежьей шубы, надетой поверх полушубка, в чёрных, выше колен, валенках и в большой боярской шапке, сядет на диван и скажет:

– Ну, присядем, Сашенька, и Христос с тобой.

И тотчас же опять встанет и начнет торопливо крестить, целовать его, совать руку к его губам...

А лошади уже стоят у крыльца. Они косматы, ресницы у них большие, на усах засохшее тесто – боже, какой родной, не городской, а деревенский, зимний, бесконечно милый вид у них! Милые, деревенские и эти сани, набитые соломой! И работник уже стоит в их козлах, в буром и грубом армяке, надетом на полушубок, с вожжами и длинным кнутом в руках... Ещё минута – и побегут, побегут эти лошади, эти сани по Успенской улице вон из города, в серые снежные поля – и прости, прощай, счастливейшая в жизни неделя!

– До свиданья, Сашенька, Христос с тобой.

1927 г.

Анализ поэтического текста

Выполняя целостный анализ произведения В Высоцкого, обратите внимание на то, какие детали, образы придают тексту притчевое звучание. Охарактеризуйте оппозиции, заданные антитезами (человек-животное, польза-вред), стилистические особенности текста (повторы – лексические и фонетические, использование метонимии). Как песенный вариант с повторением первой строки меняет звучание стихотворения?

Из книги «Владимир Высоцкий: монологи со сцены»:

«У меня была песенка про мангустов. Мангусты – маленькие зверьки, очень симпатичные. Они истребляют змей. Их даже в домах держат, чтобы змей не было».

Владимир Высоцкий
Песенка про мангустов

«Змеи, змеи кругом — будь им пусто!» —
Человек в исступленье кричал.
И позвал на подмогу мангуста,
Чтобы, значит, мангуст выручал.

И мангусты взялись за работу,
Не щадя ни себя, ни родных,
Выходили они на охоту
Без отгулов и без выходных.

И в пустынях, в степях и в пампасах
Даже дали наказ патрулям:
Игнорировать змей безопасных
И сводить ядовитых к нулям.

Приготовьтесь, сейчас будет грустно:
Человек появился тайком
И поставил силки на мангуста,
Объявив его вредным зверьком.

Он наутро пришёл, с ним собака,
И мангуста упрятал в мешок,
А мангуст отбивался, и плакал,
И кричал: «Я полезный зверёк!»

Но зверьков в переломах и в ранах
Всё швыряли в мешок, как грибы, —
Одуревших от боли в капканах,
Ну и от поворота судьбы.

И гадали они: в чём же дело,
Ну почему нас несут на убой?
И сказал им мангуст престарелый
С перебитой передней ногой,

Что, говорит, козы в Бельгии съели капусту,
Воробьи — рис в Китае с полей,

А в Австралии злые мангустаны
Истребили полезнейших змей.

Это вовсе не дивное диво:
Раньше были полезны — и вдруг
Оказалось, что слишком ретиво
Истребляли мангустаны гадюк.

Вот за это им вышла награда
От расчётливых наших людей,
Видно, люди не могут без яда,
Ну, а значит — не могут без змей.
1967-1968, 1971 г.

*Вариант текста: в конце «Песенки про мангустанов», исполняемой
В. Высоцким на концертах, звучит первая строка:
И снова змеи кругом...Будь им пусто!...*

2. Творческое задание

Максимальный балл – 30

«Я к Вам пишу, чего же боле...»

До появления соцсетей и мессенджеров люди, находясь на расстоянии друг от друга, могли общаться в основном с помощью писем – любовных, дружеских, деловых, даже философских. Существовал свой этикет написания писем. В художественной литературе XVIII века впервые появился жанр эпистолярного романа – романа в письмах, который существует и сегодня. Письма героев художественных произведений нередко играют важнейшую роль в тексте, формируя сюжет, раскрывая характер персонажей и т.п.

Задания

1. По представленным фрагментам письма героя литературного произведения определите, кто автор этого письма (персонаж) и адресат, для чего оно написано. Запишите также название произведения, имя фамилию и отчество его автора (писателя).

«Вам странно, _____, вместо меня самого получить это письмо, когда мы так часто видимся. Прочитайте до конца, и вы увидите, что мне иначе поступить нельзя. Надо было бы начать с этого письма: тогда мы оба избавились бы многих упреков совести впереди; но и теперь не поздно. Мы полюбили друг друга так внезапно, так быстро, как будто оба вдруг сделались больны, и это мне мешало очнуться ранее. <...> Я только сегодня,

в эту ночь, понял, как быстро скользят ноги мои: вчера только удалось мне заглянуть поглубже в пропасть, куда я падаю, и я решился остановиться.

<...> Послушайте, без всяких намеков, скажу прямо и просто: вы меня не любите и не можете любить. Послушайтесь моей опытности и поверьте безусловно. Ведь мое сердце начало биться давно: положим, билось фальшиво, невпопад, но это самое научило меня различать его правильное биение от случайного. Вам нельзя, а мне можно и должно знать, где истина, где заблуждение, и на мне лежит обязанность предостеречь того, кто еще не успел узнать этого. И вот я предостерегаю вас: вы в заблуждении, оглянитесь!

<...> Я только хочу доказать вам, что ваше настоящее люблю не есть настоящая любовь, а будущая; это только бессознательная потребность любить, которая, за недостатком настоящей пищи, за отсутствием огня, горит фальшивым, негреющим светом, высказывается иногда у женщин в ласках к ребенку, к другой женщине, даже просто в слезах или в истерических припадках. Мне с самого начала следовало бы строго сказать вам: „Вы ошиблись, перед вами не тот, кого вы ждали, о ком мечтали. Погодите, он придет, и тогда вы очнетесь; вам будет досадно и стыдно за свою ошибку, а мне эта досада и стыд сделают боль“, — вот что следовало бы мне сказать вам, если б я от природы был попрозорливее умом и пободрее душой, если б, наконец, был искреннее...

<...> Многие бы удивились моему поступку: отчего бежит? скажут; другие будут смеяться надо мной: пожалуй, я и на то решаюсь. Уж если я решаюсь не видаться с вами, значит на все решаюсь. В своей глубокой тоске немного утешаюсь тем, что этот коротенький эпизод нашей жизни мне оставит навсегда такое чистое, благоуханное воспоминание, что одного его довольно будет, чтоб не погрузиться в прежний сон души, а вам, не принеся вреда, послужит руководством в будущей, нормальной любви. Прощайте, ангел, улетайте скорее, как испуганная птичка улетаёт с ветки, где села ошибкой, так же легко, бодро и весело, как она, с той ветки, на которую сели невзначай!>

2. Объясните, какую роль играет данное письмо в этом произведении, как оно характеризует персонажа (автора письма).

3. Напишите ответное письмо от **лица адресата** данного послания автору приведённого письма (в книге объяснение произошло в устной форме), соблюдая законы эпистолярного жанра, постарайтесь при этом передать манеру речи героини, её образ мыслей и характер. Подумайте, что она может сказать в письме, в чем признаться, о чем попросить, при этом постарайтесь не исказить авторский замысел и образ героини, не приписывайте тех черт и поступков, которые ей не свойственны. Рекомендуемый объём письма – не менее 120 слов.